

УДК 82.081

Э. М. Афанасьева

**ОНТОЛОГИЯ ИМЕНИ В ЭЛЕГИИ А. С. ПУШКИНА
«РЕДЕЕТ ОБЛАКОВ ЛЕТУЧАЯ ГРЯДА...»**

В статье предлагается новая интерпретация элегии А. С. Пушкина «Редет облаков летучая гряда...». По мнению автора работы, мотив имени в стихотворении связан с философской проблемой соотношения слова и сущности. Героиня не просто называет свое имя (отождествляя себя с ним), но и нарекает этим именем звезду. В элегии происходит слияние двух номинологических моделей: имя-воплощения и имянаречения.

Ключевые слова: лирика, элегия, А. С. Пушкин, онтология имени, имявоплощение, имянаречение.

E. M. Afanasieva

**ONTOLOGY OF NAME IN A. S. PUSHKIN'S ELEGY
"THE FLYING WISPS OF CLOUDS ARE THINNING..."**

In the history of Pushkin studies "The flying wisps of clouds are thinning..." turned out in the focus of debates around a supposed object of the poet's "hidden love". The reason for disagreement is the poem's ending, in which the image of "a young girl" appears, who gives her name to a star. Factual interpretation was summed up as follows: the poem was written in Kamenka in November of December of 1820, it reflects the poet's memories of his stay in Gurzuf in August and September of the same year. The image of a young girl is associated with one of the Raevsky sisters (Maria, Elena or Ekaterina), in whose house Pushkin stayed in Gurzuf. Along with biographic suppositions of the heroine's name, the "astral line" of research was developing. Venus, Jupiter, Hesperus, Selene – all these were presumably identified with "familiar star". Biographic approach to the text analysis dominated throughout the XX. Yu. M. Lotman believed that the elegy "The flying wisps of clouds are thinning..." and correspondence between the poet and A. A. Bestuzhev, editor of "Polyarnaya Zvezda" almanac, with respect to its publication was in the core of Pushkin's life-creating game.

In this paper the author stays away from biographic commentaries and studies ontology of name in the Pushkin's elegy. Throughout the poem visual motives dominate. The persona is observing scattering clouds, looking at the "familiar star" he remembers past times, which includes some elements of exotic landscape. On the background of visual motives sounds appear. First, this is delightful wash of waves, then there comes the voice of a young girl. In the literary world of the poem the name is sounded. It is pronounced by the heroine, it is heard by her girl-friends, it is also known to the persona, who remembers this scene. Esthetic reduplication of functions of the name associated with both a star, and a "young girl" puts the philosophic problem of connection between word and substance to the foreground. In "The flying wisps of clouds are thinning..." the ontological principle of *name embodiment* is implemented. Not only the "name of a girl" and "her fate" are united in harmony, but they are also established in the universe by nominologic identification with an astral body. The heroine gives her name to a star, hence, a "young girl" reserves the function of *nomination* of the world. This circumstance vests an astral aspect in a private life. In this elegy, conjunction of the two ontologically significant components of nominology: name embodiment and nomination occurs. Sacral vector pervades the poem. Be it at present or in the past, in the morning or in the evening, in the persona's perception or in that of the heroine there is a fact of understanding the mystery of the world nominated.

Keywords: lyric poetry, A. S. Pushkin, ontology of name, name embodiment, nomination.

С момента первой публикации стихотворения А. С. Пушкина «Редет облаков летучая гряда...» в 1823 году и до сих пор не утихают споры вокруг этого текста. Источник разногласий – интерпретация финального фрагмента, где появляется образ «юной девы», называющей своим именем звезду. И современники Пушкина, и литературоведы XX века шли по пути расшифровки поэтического намека, чтобы непременно назвать имя «утаенной любви» поэта. Для начала обратимся к истории вопроса, восстановив характер соотношений мотивов тайны и имени в элегии «Редет облаков летучая гряда...».

Романтический принцип тайны имени проник практически во все сферы жизни первой трети XIX века: от политических до эстетических. Дневники, письма, художественные произведения пестрят номинологическими редукциями, пропусками и намеками. Эквивалентами имени в ситуации его сокрытия часто становились астральные символы, отсюда многочисленные стихотворные послания *K**, *K****. Они утверждались наравне с такими номинологическими кодами, как *K...*, *KN*, *KNN* и др. Например, П. А. Вяземский настаивал на сохранении подобного рода инкогнито, противясь демаскировке тай-

ших намеков на любовную тайну. Через пять месяцев поэт вновь обращается к этому вопросу, досадуя на публикацию полного текста элегии. С одной стороны, он сообщает о влюбленности без памяти, с другой стороны, выражает недовольство вторжением в частную переписку. Данный контекст придал мотиву сокрытия имени героини биографический акцент, связанный со стремлением оградить от любопытствующей публики «элегическую красавицу». В прижизненных сборниках стихотворений Пушкина 1826 и 1829 годов текст публикуется без последних трех стихов, что полностью снимает намек на любовную историю; произведение при этом обретает черты пейзажной элегии.

На протяжении всего XX века превалировал биографический подход к интерпретации стихотворения. Логическая цепочка фактов сводилась к следующему: «Редет облаков летучая гряда...» написано в Каменке в ноябре – декабре 1820 года, в нем поэт вспоминает о пребывании в Гурзуфе в августе – сентябре того же года. Образ юной девы соотносился с одной из сестер Раевских, в семье которых Пушкин жил в Гурзуфе [2, с. 123]. Были выдвинуты версии о том, что в стихотворении есть намек на Марию Раевскую [2, с. 124; 14, с. 23; 17, с. 79–156]. Б. В. Томашевский соотнес элегию Пушкина с письмом мужа Екатерины Орловой (в девичестве Раевской): «Среди кучи дел, одни докучнее других, я вижу твой образ как образ милой подруги и приближаюсь к тебе и воображаю тебя близкой всякий раз, как вижу достопамятную Звезду, которую ты мне указала. Будь уверена, что, едва она восходит над горизонтом, я ловлю ее появление с моего балкона» (оригинал на французском [15, с. 107]). П. К. Губер связал лирическое событие с древними мифами о превращении Елены Спартанской в звезду, предположив, что в тексте речь идет о Елене Раевской [6, с. 60–61]. В недавней публикации А. До-

линина это предположение подкреплено отсылками к античным мифам о превращении Елены в звезду в трагедии Еврипида «Орест», «Естественной истории» Плиния, «Фаиде» Стация [7]. Таким образом, мотив «имени звезды» в пушкинистике неизменно проецируется на конкретного адресата.

Параллельно с биографическими догадками об имени героини развивалась «астральная линия» интерпретации текста. На роль «знакового светила» претендовали Венера [2, с. 123], Юпитер [2, с. 123–126], Геспер [18, с. 132–133], Селена [7, с. 25].

Один из показательных примеров реконструкции номинологического кода текста представлен в исследовании В. В. Вересаева. В статье «Таврическая звезда» он опирается на сведения, которые используют практически все пушкинисты, идущие по пути биографического комментария: «Вечерняя звезда – очевидно, планета Венера. Девушка называет ее подругам “своим именем”. Что это значит? Очевидно, имя девушки находится в каком-то отношении к названию вечерней звезды. Если бы удалось с несомненностью выяснить это отношение, то стало бы известно, какую именно из сестер Раевских имеет в виду элегия» [2, с. 123]. Версия В. В. Вересаева основана на астрологической гипотезе о том, что образ «знакового светила» – Юпитер. Эта гипотеза, по большому счету, завела в тупик сам процесс выявления связи между названием планеты и именем девушки.

Как представляется, южная элегия «Редет облаков летучая гряда...», история ее публикации и переписка поэта с редактором «Полярной звезды» А. А. Бестужевым, который напечатал текст без купюр вопреки желанию автора, находится в эпицентре жизнетворческой игры поэта. Ю. М. Лотман отметил, что «использование личных писем с целью толкнуть читателей к догадкам относительно биографического смысла тех или иных стихов стало для Пушкина южно-

го периода такой же системой, как многочисленные умолчания и пропуски в текстах, имеющие целью не скрыть интимные чувства автора, а привлечь к ним внимание» [11, с. 260]. В литературоведении история публикации элегии подверглась идеализации, в качестве аргументов приводились наиболее трогательные фрагменты писем. Между тем, письма Пушкина неоднозначны, любовные фрагменты перемежаются в них с иронией по отношению к любовному чувству, размышлениями о журналистской этике и литературных пристрастиях.

Жанровая природа текста 1820 года обусловливает воссоздание универсальности мира. Как отмечает В. А. Грехнев, «элегические эмоции – явление особого рода: в них есть признак всеобъемлющей реакции на мир, заостряемый ранним романтическим мышлением с его притязанием на универсальность» [5, с. 135]. И далее: «Погружаясь в душевные глубины, пушкинская элегия заботится не о том, чтобы навеять ощущение сокровенного и ускользающего как всеобщего непознаваемого ядра душевной жизни, а о том, чтобы внести художественную ясность в непросветленные участки душевного бытия, дух художественной гармонии в дисгармонические проявления души» [5, с. 145–146]. О. В. Зырянов обратил внимание на категорию памяти, определяющую характер переживаний субъекта лирического высказывания [8, с. 169–191]. В исследовательской традиции последнего времени элегия и ее рефлексивный потенциал соотносится с мифологическими архетипами [9, с. 83; 16, с. 173–175].

Отстраняясь от традиции биографического комментария, необходимо обратить внимание на особенность реализации номинологического мотива. Полный текст элегии придает имени астральную характеристику, что стало основой лирического феномена «имени звезды». На протяжении всего сти-

хотворения преобладают визуальные мотивы. Лирический герой следит за рассеивающимися облаками, видит «знакомое светило», вспоминает прошлое, в котором присутствуют элементы экзотичного пейзажа («стройны тополя», «нежный мирт», «темный кипарис»). Элегическая созерцательность характеризуется оценкой увиденного, которая служит намеком на внутренние переживания героя (ср. «звезда печальная», «люблю твой слабый свет в небесной вышине»). Таким образом, при описании небесного светила возникают элегические мотивы печали и любви. Пейзажные детали окрашиваются эмоциональным восприятием увиденного. При этом лирическое движение мысли основано на возникающей оппозиции к пейзажным реалиям. И в настоящем, и в прошлом доминирует изображение сонного состояния мира (ср.: «дремлющий залив», «где дремлет нежный мирт»), однако лирический монолог знаменует пробуждение души героя в рефлексивном потоке воспоминаний: свет звезды «думы разбудил, уснувшие во мне». Впоследствии данный мотив определит специфику любовной эстетики Пушкина. Наиболее яркий пример – стихотворение К*** («Я помню чудное мгновенье...»):

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты
[13, т. 2, кн. 1, с. 406].

Мотив пробуждения в стихотворении «Редает облаков летучая гряда...» определяет начало рефлексивного переживания прошедшего. И только погружение в воспоминание придает новые оттенки восприятию мира. На фоне визуальных мотивов появляются звуковые акценты. Сначала это сладостный шум «полуденных волн», в финале – голос юной девы. В последнем стихе звучащее имя соединяет землю и небо. Это фор-

мирует вектор устремлений к запредельному через преодоление границ человеческой жизни. Поэтому важнейшую нагрузку несет на себе мотив звучания, проговаривания, называния слова, соединения словесного дыхания с бытийной сущностью мира:

И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

По мнению В. А. Геронимуса, «неназванное имя выражает поэтическую свободу, согласно которой личность до конца непостижима. Романтической дали, разделяющей “ту страну” и лирического субъекта, космическому расстоянию между путником и звездой текстуально соответствует особое метафизическое пространство между именем и человеком или именем и вещью» [4, с. 17]. Действительно, композиционно-образная система элегии демонстрирует непреодолимую дистанцию между героями. Они разведены во времени и пространстве. И только через цепь ассоциаций и воспоминаний обнаруживается ценность эпизода из прошлого. Отсюда отсвет «обратной перспективы», разворачивающей вереницу впечатлений от одного мгновения. Теперь обратимся к особенности реализации номинологической ситуации. В художественном мире стихотворения имя звучит, оно произносится «юной девой», его слышат ее подруги, известно оно и лирическому герою, который вспоминает данный эпизод. Таким образом, здесь нет онтологического разрыва между именем и сущностью. Кроме того, тождество имени героини и звезды задает особый аспект интерпретации возможностям номинологии. Эстетическое удвоение функции имени, проецируемого как на астральный образ, так и на образ «юной девы», усиливает бытийную природу слова. Большинство исследований апеллировало к лежащей на поверхности триаде «звезда – имя – юная дева», где имя – слово, объединяющее астральный образ и образ девы. Если

следовать авторской логике онтологизации имени в любовной лирике, то для Пушкина важной оказывается проблема соотношения личности и имени. Одна из форм ее проявления – разрыв связи между именем и его носителем. Например, в лицейской элегии «Осеннее утро» эта ситуация наполнена драматизмом:

Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя несравненной;
Я звал ее – и глас уединенный
Пустых долин позвал ее в дали

[13, т. 1, с. 198].

Лирический герой зовет возлюбленную, но имя, отдающееся эхом, расширяет пространство ее отсутствия. В лицейском стихотворении возникает модель пространственно-временного бытия имени в отрыве от личности, мир измеряется и завоевывается его онтологическими возможностями. Между тем, разрыв слова и образа, слова и сущности формирует номинологический конфликт.

В южной элегии «Редет облаков летучая гряда» имя как слово (звук, значение) и имя как вербальное воплощение «юной девы» находятся в неразрывном единстве: и с позиции героини, и с позиции героя. Это выводит на первый план философскую проблему связи слова и сущности. По наблюдению А. Ф. Лосева, «слово есть выходение из узких рамок замкнутой индивидуальности. Оно – мост между “субъектом” и “объектом”. Живое слово таит в себе интимное отношение к предмету и существенное знание его сокровенных глубин» [10, с. 48]. «Редет облаков летучая гряда...» реализует онтологический принцип *имявоплощения*. Героиня осознает себя в своем «осуществленном имени» (ср. [1, с. 270]). Имя «девы юной» и ее судьба не просто находятся в гармоничном единстве, но и утверждают через номинологическую идентификацию с небесным светилом. Героиня называет звезду, передавая небесному свети-

лу собственное имя. Сокровенно-сущностное начало личностного бытия обретает астральный вектор. Таким образом, в стихотворении проявлен еще один номинологический акцент: за «юной дево́й» закреплена функция *наречения* мира. Слияние двух онтологически важных составляющих номинологии: имявоплощения и имянаречения – определяет дискурсивную основу текста. Онтология имени в романтической элегии Пушкина соотносима с представлениями о неразрывном единстве личности, слова, с нею связанного, и звезды, облеченной в это слово.

Притягательность «знакомого светила» для лирического героя обусловлена соотношением образа звезды с юной дево́й. Однако в сферу лирического «я» не входит ни имянаречение, ни имявоплощение. Он – отстраненный наблюдатель. Между тем, он владеет тайной наречения мира героиней. Сакральный вектор буквально пронизывает все стихотворение. И в настоящем, и в прошлом, и вечером, и утром, и в восприятии героя, и в восприятии героини присутствует факт осмысления логосной тайны, тайны нареченного мира.

Литература

1. Булгаков С. Н. Философия имени. – СПб.: Наука, 1998. – 448 с.
2. Вересаев В. В. Таврическая звезда // Пушкин и его современники: мат-лы и исслед. – Л.: Изд-во АН СССР, 1928. – Вып. 37. – С. 123–126.
3. Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. – М.: Правда, 1988. – 478 с.
4. Геронимус В. А. Формы романтического алогизма в стихотворении Пушкина «Редеет облаков летучая гряда...» // Вестник Москов. гос. ун-та. – М., 1998. – Сер. 9, Филология. – Вып. 6. – С. 13–24.
5. Грехнев В. А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1985. – 239 с.
6. Губер П. К. Дон-Жуанский список А. С. Пушкина. – Харьков: Дельта, 1993. – 219 с.
7. Долинин А. Еще раз о загадке Таврической Звезды // Седьмая Международная летняя школа по русской литературе. – Изд. 2-е. – СПб.: Свое изд-во, 2012. – С. 13–39.
8. Зырянов О. В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 548 с.
9. Козубовская Г. П. Русская литература: миф и мифопоэтика. – Барнаул: БГПУ, 2006. – 324 с.
10. Лосев А. Ф. Философия имени. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 270 с.
11. Лотман Ю. М. Посвящение «Полтавы» (Адресат, текст, функция) // Лотман Ю. М. Пушкин. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. – С. 253–265.
12. Полярная Звезда. Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности на 1824-й год, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. – СПб.: Типография Н. Греча, 1824. – XVIII, 322 с.
13. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
14. Соколов Б. М. М. Н. Раевская – кн. Волконская в жизни и поэзии Пушкина. – М.: За друга, 1922. – 92 с.
15. Томашевский Б. В. Пушкин: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1990. – Т. 2. – 383 с.
16. Ходанен Л. А. Миф в творчестве русских романтиков. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 320 с.
17. Щеголев П. Е. Утаенная любовь Пушкина // Утаенная любовь Пушкина: сб. ст. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. – С. 79–156.
18. Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Вып. 6. – С. 132–133.

Literatura

1. Bulgakov S. N. *Filosofija imeni*. – SPb.: Nauka, 1998. – 448 s.
2. Veresajev V. V. *Tavricheskaja zvezda // Pushkin i jeho sovremenniki: mat-ly i issled.* – L.: Izd-vo AN SSSR, 1928. – Vyp. 37. – S. 123–126.
3. Vjazemskij P. A. *Stihotvorenija. Vospominanija. Zapisnyje knizhki*. – M.: Pravda, 1988. – 478 s.
4. Geronimus V. A. *Formy romanticheskogo alogizma v stihotvorenii Pushkina «Redejet oblakov letuchaja grjada...» // Vestnik Moskov. gos. un-ta.* – M., 1998. – Ser. 9, Filologija. – Vyp. 6. – S. 13–24.
5. Grehnev V. A. *Lirika Pushkina: O poetike zhanrov.* – Gor’kij: Volgo-Vjatskoje kn. izd-vo, 1985. – 239 s.
6. Guber P. K. *Don-Zhuanskij spisok A. S. Pushkina.* – Har’kov: Del’ta, 1993. – 219 s.
7. Dolinin A. *Eshche raz o zagadke Tavricheskoj Zvezdy // Sed’maja Mezhdunarodnaja letnjaja shkola po ruskoj literature.* – Izd. 2-je. – SPb.: Svoje izd-vo, 2012. – S. 13–39.
8. Zyrjanov O. V. *Evoljucija zhanrovogo soznanija ruskoj liriki: fenomenologičeskij aspekt.* – Jekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2003. – 548 s.
9. Kozubovskaja G. P. *Russkaja literatura: mif i mifopoetika.* – Barnaul: BGPU, 2006. – 324 s.
10. Losev A. F. *Filosofija imeni.* – M.: Izd-vo MGU, 1990. – 270 s.
11. Lotman Ju. M. *Posvjashčeniye «Poltavy» (Adresat, tekst, funkcija) // Lotman Ju. M. Pushkin.* – SPb.: Iskusstvo – SPB, 2000. – S. 253–265.
12. Poljarnaja Zvezda. *Karmannaja knizhka dlja ljubitel’nic i ljubitelej ruskoj slovesnosti na 1824-j god, izdannaja A. Bestuzhevym i K. Rylejevym.* – SPb.: Tipografija N. Grecha, 1824. – XVIII, 322 s.
13. *Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 16 t.* – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959.
14. Sokolov B. M. *M. N. Rajevskaja – kn. Volkonskaja v zhizni i poezii Pushkina.* – M.: Zadruga, 1922. – 92 s.
15. Tomashevskij B. V. *Pushkin: v 2 t.* – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1990. – T. 2. – 383 s.
16. Hodanen L. A. *Mif v tvorčestve russkih romantikov.* – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2000. – 320 s.
17. Shchegolev P. E. *Utajennaja ljubov’ Pushkina // Utajennaja ljubov’ Pushkina: sb. st.* – SPb.: Gumanitar-noje agentstvo «Akademičeskij projekt», 1997. – S. 79–156.
18. Jakubovich D. P. *Antičnost’ v tvorčestve Pushkina // Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii.* – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1941. – Vyp. 6. – S. 132–133.